

ВОРОНИЙ ДУЭТ

Мороз к середине февраля стал сдавать. Снег на речке обрюзг и уже не кричал возмущённо под резиновой подошвой валенка, а лишь коротко и обречённо всхристывал, привыкая к медленной своей смерти.

Григорьич рыбачил третий час. Клёв был скучный, и рыбак больше занимался созерцанием, чем следил за притихшими удочками.

В это раз он ушёл далеко от других, скучившихся напротив пристани. Умышленно ушёл, чтобы побыть одному, хотя понимал, что главный лов там, у пристани – приятели-рыбаки по каким-то неведомым приметам всегда точно определяли, где будет «брать».

Григорьич неспешно, чтобы не вспотеть, провертел в толстом ещё льду пяток лунок и за два часа поймал-таки восемь мелких окуньков – гнутыми ледышками они теперь валялись позади рыбацкого ящика-сиденья. Дальше – дело стало.

В отдаленье жил городской жизнью мост: торопились по своим субботним делам граждане, бежали куда-то по людским же делам автобусы, троллейбусы, автомобили. Странное дело: Григорьич сидел на своём ящике, по сути, в центре города, а шума его не слышал. Может, он, этот шум, зарождаясь в мегаполисе и тем сознавая свою значимость, просто не желал опускаться в речную ложбину, а величаво уплывал ввысь, поверх высоких берегов?

К десяти часам выглянуло солнце: неожиданно стрельнуло лукавой улыбкой по унылым окрестностям.

И сверкнула мохнатым инеем ракита, наклонившаяся с берега. Всё лето она любовалась своим отражением в воде, а последние три месяца, лишённая этой возможности, тосковала, клонилась всё ниже и ниже к ноздреватому снегу. В промоине у берега стылая вода ожила, заговорила и устремилась куда-то, подгоняемая солнечным лучом.

Хлопая крыльями по отпотевающему воздуху, прямо перед Григорьичем в снег плюхнулась ворона.

– Фу ты, напугала... – бормотнул Григорьич.

Птица, растопырив крылья, отбежала и пригрозила:

– Кар-ра! Кар-ра!

Выписав перед человеком полукруг, ворона доковыляла до края промоины, где, балансируя крыльями, посмотрела на бегущую воду сначала одним, потом другим глазом. Отражением своим она осталась довольна и начала представление.

Птица важно прохаживалась по тонкому льду, запрокидывая голову и делая временами указующие жесты крыльями.

«Прям наш замдиректора!» – восхитился Григорьич.

Затем ворона изображала фокусника, складывая черные крылья на серой грудке на манер мантии и неожиданно распахивая их. При этом она гордо поглядывала на раскрывшего рот рыбака, как бы говоря: «Вот как я могу!»

Завершилась программа матросским танцем «Яблочко»: под неслышную музыку ворона приседала, крутилась волчком, выпрыгивала вверх, в нужных местах широко раскидывая крылья-руки.

Григорьич не удержался, чтобы не похлопать искусству танцовщицы. Ворона чинно раскланялась и взлетела, захлопотала крыльями над головой рыбака.

Проводив её взглядом, Григорьич увидел, что ворона снова села на лёд метрах в пятнадцати позади него. Там её ждала другая такая же серобокая птица, и вдвоём они принялись что-то бойко клевать, воровато косясь на человека.

Григорьич огляделся вокруг и... не нашёл возле ящика мёрзлых окуньков.

– Вот шельмы!.. – рассмеялся он. – Ешьте-ешьте, за такой концерт я б и сам отдал.

С лёгким сердцем Григорьич собрал удочки и потопал домой, радуясь почти весеннему солнышку и мечтая о горячем густом борще.

Февраль 2004 г.